

has an advantage in this competition with its ties with the West. But 65 % dependence on Russia for natural gas can be challenging. In order to reduce this dependence, Türkiye continues to keep pipeline projects to transport Turkmenistan and Azerbaijan gas on the agenda.

Thus, Türkiye, which is trying to turn its geopolitical situation into an advantage with its policy in the Black Sea region, is trying to achieve two goals. First, show the EU the importance of Türkiye for Eurasia and facilitate Turkey's entry into the EU. Second, Türkiye sought alternatives to end its isolation after the Cold War.

References

1. Белозёров В.К. Доктрины и идеологии в системе политических институтов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – Вып. 24.
2. Turkish foreign policy: From status quo to soft power // European stability Initiative. 2009. April. URL: http://www.esiweb.org/pdf/esi_picture_story_-_turkish_foreign_policy_-_april_2009.pdf#page=5 (Дата обращения: 20.02.2016.)
3. Turkey's Foreign Policy: Zero Problems with Neighbors Revisited. –<https://richardfalk.wordpress.com/2012/02/08/turkeys-foreign-policy-zero-problemswith-neighbors-revisited/>

УДК 321.02

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ К ЦИФРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ В ПОЛИТИКЕ

Ю. Д. Данилов

В текущем политическом дискурсе все чаще употребляются понятия «цифровая демократия», «цифровизация политических процессов» и производные от них. С их помощью пытаются описать различные механизмы, процедуры и установления, которые позволили бы сделать политическую жизнь общества более прозрачной, доступной, исключаяющей самую минимальную возможность какого-либо вмешательства со стороны на волеизъявление граждан. Речь идет в первую очередь о выборах, референдумах, плебисцитах и иных мероприятиях, в которых предполагается публичное выражение мнений электората по выносимым на обсуждение вопросам.

Разброс мнений по данной проблематике достаточно широк: от отношения к цифровизации в политике, как чуть ли не к единственной панацее, способной демократизировать политические процессы (в связи с чем в политологическом контенте и появились данные термины), и до отрицания ее применимости даже в качестве технического инструмента. По этой причине все эти, столь широко обсуждаемые понятия, по-прежнему остаются весьма

расплывчатыми и до сих пор не имеют четкого обозначения их роли в политических технологиях.

Часть специалистов рассматривает цифровизацию как концепцию, связывающую уже сложившиеся социально-политические практики с различными цифровыми инфраструктурами. Исходя из такого подхода, она имеет как аналитическое, так и нормативное измерение. В первом случае, широкое внедрение цифровых технологий в политику следует рассматривать с позиций возможности их использования в качестве инструментов и механизмов влияния на практику политического участия и политического управления.

Как нормативная концепция, цифровая демократия предстает как открытая и постоянно изменяющаяся форма организации политической деятельности в целом. Динамика этих изменений, с одной стороны, обусловлена противоречивыми принципами и интерпретациями ключевых идеологических положений (свободы, равенства, суверенитета народа и т. д.). С другой стороны, эти перемены отражают стремительно развивающийся технологический, прежде всего – медийный инструментарий, открывающий все более совершенные способы воздействия на человеческое сознание с целью достижения определенных политических целей. Именно поэтому цифровизацию в политической деятельности пока еще не следует рассматривать ни как утопическую модель близкого будущего, ни как перспективный и эффективный способ устранения посредников из существующей политической практики.

Кроме того, представляется крайне сомнительным давать данной категории какие-либо линейные объяснения. К исследованию цифровизации политики более целесообразно подходить как к явлению, которое связывает две эволюционирующие области: систему политического управления, сложившуюся на определенных принципах, и стремительно проникающую во все сферы жизнедеятельности людей, цифровую инфраструктуру, формирующую специфическую культуру политического поведения людей. При таком понимании, и в чисто историческом контексте, цифровизация в политике будет характеризовать определенный этап в развитии эволюции политических технологий, реализуемых в различных сферах и процессах политической жизни. Эта модель приходит на смену электронной демократии, что в хронологическом плане подчеркивает их технологическое родство и сущностную преемственность.

За последние 40 лет можно выделить как минимум три, достаточно четко определяемых стадии данной эволюции. Каждой из них характерна своеобразная совокупность (конфигурация) технологий и комплекс создаваемых ими образцов политического участия и поведения, представляющих определенный срез общей политической культуры. Эти этапы можно определить, как собственно электронный, виртуальный и сетевой. Они связаны

между собой преемственностью, т.к. центральная идея, объединяющая данные конфигурации, относится к использованию коммуникационных технологий для внедрения в политические процессы новых практик, чаще всего отождествляемых с демократизацией политики. Хотя при более глубоком анализе, такое отождествление представляется крайне сомнительным.

Одним из первых примеров проявления электронной демократии стало распространение в 80-е годы XX века платформ кабельного телевидения с поддержкой обратного канала. Они способствовали повышению интенсивности информационных потоков и активизации интереса граждан к политике, а, следовательно, и вовлеченности в нее. Кроме того, обратные каналы кабельного телевидения позволяли населению общаться между собой напрямую, без посредников и тем самым создавать новое представление о современной политике, «возрождая мечты об афинской агоре» [1].

Виртуальная стадия непосредственно связана с появлением и распространением Интернета, и возникновением на его основе разнообразных коммуникационных услуг (начало 1990-х годов прошлого века). Именно тогда стали появляться виртуальные сообщества с присущими им уникальными особенностями в восприятии политики как таковой. Их участники как в религию свято верили в утопическую идею денационализированной политики, которая будет разворачиваться в виртуальном мире вне досягаемости правительства. Осуждая существующие политические институты как отчуждающие человека, пионеры Интернета стремились перенести все свои технократические, и связанные с ними либертарианские представления о демократии, в зарождающееся киберпространство [2]. Можно констатировать, что в этот период происходит своеобразное слияние нелиберальных идей свободы с сильным чувством индивидуального освобождения и торжества политической «контркультуры», в ходе которого формируется понимание Интернета как идеального воплощения стиля и способа политического самоопределения.

Новое тысячелетие ознаменовалось переходом к активному развитию интерактивных сетевых услуг. Они превратили пользователей 1990-х из активных потребителей в таких же неукротимых производителей контента, способных теперь вносить свой собственный вклад в публичный политический дискурс. Стремительно распространяющиеся коммуникационные услуги породили новые жанры политической полемики, такие как блоги, ежедневные дневники, подкасты, виртуальные персональные радио- и видеоканалы и многое другое, что способствовало не только значительному расширению возможностей для осуществления политической деятельности, но и существенному изменению представлений о политике в целом, и о демократии, в частности. Так, свобода больше не воспринималась как привилегия элиты пионеров Интернета, она стала трактоваться с позиций «культурного разнообразия, политического дискурса и справедливости», ярким

примером чего стала т. н. «вики-демократия» [3]. Использование цифровых технологий и их возможностей «организовать без организации», по мнению сторонников внедрения сетевых инноваций в политическую деятельность, было способно существенно сгладить негативные последствия сложившейся политической иерархии и устранить развитие бюрократии. В этом смысле, данная доктрина перекликается с концепцией совещательной демократии Хабермаса, которая особо подчеркивает роль публичной сферы в коллективном самоопределении.

Большинство современных трактовок концепции цифровой демократии касаются проблем, связанных с возможностями трансформации демократических правительств. Некоторые подходы ориентированы на исследование деинституционализирующих аспектов этих изменений, другие в большей степени занимаются экспериментальной практикой, результатом которой может стать появление новых или модифицированных политических институций.

В первом случае, интерес исследователей направляется прежде всего на изучение растущей неустойчивости ранее могущественных политических оргструктур (партий, движений, групп лоббирования и т. п.), определение причин ухудшения ситуации с проведением выборов, выяснение причин глубоких структурных изменений в общественной сфере.

Нарративы о необходимости демократической трансформации существующей политической реальности, напротив, представляют цифровую культуру как экспериментальную среду и новый способ активного реформирования существующих представительных институтов. Сторонники данной идеи считают, что цифровые ресурсы позволяют оспаривать существующие политические процессы, что они могут помочь в модернизации некоторых из них, превращения в более современные и эффективные.

Таким образом, оба взгляда на возможные изменения политических институтов в связи с широким распространением цифровых технологий, так или иначе предусматривают сдвиги в понимании самой идеи демократии как таковой. Поэтому их не следует рассматривать в ближайшем будущем ни в качестве движущих сил, и даже ни как инструмент изменений, способный кардинально воздействовать на политические процессы.

В технократическом понимании цифровизация формирует лишь пространство с набором специфических инструментов, которые помогают модифицировать некоторые отдельные политические технологии и процессы с пока еще непредсказуемыми последствиями для будущего. В тоже время нельзя и отрицать ее способность бросить вызов существующему распределению полномочий на любом уровне политической иерархии и достаточно существенно менять политические предпочтения миллионов людей.

Уже сегодня цифровая эволюция открывает новые возможности для реализации различных политических преобразований. Это, в первую очередь, касается таких аспектов, как:

- роль правительства и гражданского общества;
- публичная сфера политики;
- гармонизация политического участия и представительства;
- соотношение политического господства и соблюдения прав граждан.

Цифровые технологии породили такие новые явления в политике, как «открытое правительство» и «открытая демократия». Оба эти проекта направлены на то, чтобы сделать политические процессы как можно более оперативными, прозрачными, предоставляющими гражданам широкие возможности непосредственно и напрямую взаимодействовать с органами государственной власти на всех ее уровнях. Ярким примером может служить проект создания вики-правительства, основанного на преимущественно горизонтальных формах гражданского сотрудничества. В ряде стран (Дания, Южная Корея, Эстония, Финляндия и др.) также успешно реализуются практически концепции национальных электронных правительств – e-Government, обеспечивающих тесное взаимодействие между государственными организациями и гражданами в электронном формате и с минимальным личным (физическим) участием. Такие проекты, как правило, базируются на информационных системах электронного документооборота и управления.

Публичная сфера, как пространство для формирования и выражения самых разнообразных мнений, всегда была неотъемлемым условием существования либеральных демократий. Средства коммуникации, публичность и демократические принципы в ней тесно взаимосвязаны. Что касается роли цифровизации, то в данном контексте она существенно облегчает процессы доведения общественного мнения или частного пользовательского контента до всех людей, независимо от степени их личной вовлеченности в политику. В то время как раньше, радиовещание, печать и даже телевидение, обеспечивали привилегированный доступ к публичному многостороннему дискурсу (только профессиональным политикам, журналистам, людям, каким-то образом, причастным к политике или очень активно интересующихся ей), то современные цифровые медиа предоставляют такую возможность практически любому.

Вместе с тем, трансформацию публичной сферы нельзя связывать исключительно с цифровыми медиа. Как показывает практика, сегодня формирование политических мнений посредством публичного дискурса становится все более важным само по себе, особенно во время проведения выборов и принятия иных важных для всего общества решений. Отчасти это связано с тенденцией к снижению доверия к существующим демократическим

институтам и общественным элитам. Из-за этого общественность вынуждена брать на себя функцию этакого «сторожевого пса», контролирующего ход протекания политических процессов и деятельность политической власти. В таких условиях роль общественности и развитие цифровых медиа практически всегда пересекаются, примером чего может служить ситуация, когда твиты и наборы хэштегов стали восприниматься как вполне допустимые способы выражения не только общественного мнения, но и официальных позиций органов государственной власти, и политических лидеров. В этом, безусловно, присутствует и побочный эффект, заключающийся в том, что по мере того как общественность становится и генератором мнений, и контролирующим органом одновременно, начинают стираться общепринятые этические, социальные и правовые границы между производством, распространением и потреблением информации. Лидерами в этих видах деятельности становятся социальные сети, телеграмм-каналы, блогосфера, что тоже может нести потенциальную угрозу стабильности общества и его благополучному развитию.

Вопросы соотношения между политическим участием и представительством можно считать одними из самых острых в контексте политических преобразований, связанных с цифровизацией. Случайно, или закономерно (этот вопрос требует отдельного рассмотрения), но следует признать, что цифровая демократия получила мощный импульс к развитию именно в то время, когда некогда привилегированные субъекты политического действия начали приходить в упадок. Сегодня во многих странах мира можно наблюдать, как политические партии страдают от потери популярности и ухода из них членов, в так называемых демократических государствах стремительно угасает ранее казавшаяся непоколебимой, аура избирательного права, а аудитория ранее пассивных граждан очень быстро превращается в политизированное сообщество, нередко с весьма радикальными взглядами. Всем этим процессам в решающей степени способствует то, что цифровые платформы с разнообразными и практически неограниченными возможностями по проведению всякого рода массовых компаний, позволяют людям быстро мобилизоваться для решения любых политических вопросов, в том числе и для прямого выражения своей воли. Часто это происходит даже посредством лоббирования, финансируемого за счет краудфандинга. Такой «хэштег-активизм» позволяет диверсифицировать традиционные формы политической вовлеченности, погружая в эти процессы даже людей, ранее полностью аполитичных. В формах политического участия наступает переход от традиционного долгосрочного пребывания в политических партиях или ассоциациях к проблемно-ориентированным, краткосрочным, эфемерным, бурным, эмоциональным и внешне привлекательным формам действий [4]. Формирующиеся с помощью цифровых технологий «партии-

платформы» базируются на горизонтальных структурах и способах взаимодействия, которые делают внутреннюю коммуникацию и принятие решений более прозрачными и прямыми. Вместе с тем, нельзя не признать, что они являются и эффективным инструментом популистской мобилизации, последствия которой могут стать причиной трагических, а подчас и фатальных последствий для государства и всего общества. Таким образом, цифровая инфраструктура позволяет осуществлять горизонтальную политическую самоорганизацию в более широком масштабе и в интерактивном режиме, что воспринимается в обществе гораздо предпочтительнее, чем традиционные иерархические бюрократические организации (партии).

Четвертый аспект – проблема соотношения политического господства и соблюдения прав граждан – сегодня одна из самых активно дискутируемых. В самом широком смысле политическую власть можно трактовать, как возможность индивидуальных и коллективных действий по формированию общественного порядка [5]. Исходя из такого понимания, в своей институциональной форме власть превращается в правила и нормы, опосредующие политическое господство. Цифровая культура же, порождает как новые источники власти, так и создает предпосылки для изменения существующих способов правления. Здесь персональные данные служат одним из важнейших ресурсов власти, а их систематический сбор, и последующее превращение в товар, представляют собой новые способы господства, о чем убедительно сказано Ш. Зубофф в книге «Капитализм наблюдения» [6; 257]. Сегодня некоторыми авторами цифровые платформы описываются как чуть ли не самая продвинутая и могущественная организационная форма начала XXI века, которая имеет возможность практически монополизировать сбор и анализ информации, а также вырабатывать на ее основе принципиально новые, специфические формы «сетевого господства». При этом утверждается, что форма экономической зависимости становится способом манипулирования, приводящим к установлению и политического господства, в котором цифровые платформы становятся внешними управляющими. Уже можно говорить о многочисленных примерах сложных отношений между правительствами ряда стран и разрабатываемыми компаниями-супергигантами цифровыми платформами. Эти проблемы связаны, прежде всего с тем, что цифровизация подрывает традиционные представления о политическом суверенитете, а, следовательно, и подрывает авторитет официальной политической власти. Из-за этого государственные органы предписывают владельцам платформ предоставлять доступ правоохранительным структурам к массивам хранящихся на их серверах данных. Наиболее ярким примером трагичности таких взаимоотношений служит известная история с разоблачениями Эдварда Сноудена, в которых доказательно продемонстрированы масштабы «сотрудничества» между государственным аппаратом и частным

IT-сектором с крайне неблагоприятными последствиями для прав огромного количества людей. Данный, и другие подобные эпизоды, позволяют с большой долей уверенности предположить, что здесь имеет место тенденция к постепенному стиранию границ между государством и частными заинтересованными субъектами (компаниями, сообществами, элитами, группами влияния и пр.) в сторону симбиотической агрегации согласованных интересов, которые технологически реализуются через институализированные цифровые инфраструктуры.

Что же касается прав человека, то следует признать растущее несоответствие между потенциальными и реальными практическими условиями их осуществления, которое, к тому же, все больше и бессистемно политизируется. Происходит это, прежде всего, за пределами национальных границ. На международном уровне политическая борьба по поводу соблюдения прав человека и развертываемая дискуссия вокруг принципов, «предлагаемых» цифровизацией, сосредотачиваются главным образом на дискурсе лишь о правах пользователей. Тем не менее, даже такая тематически узкая полемика в обозримом будущем может привести к существенному переосмыслению основных прав граждан и переменам в правовых условиях осуществления власти. Наглядным примером такого движения служат различные инициативы по выработке разного рода документов, конституирующих Интернет. В свое время широкий резонанс вывала «Декларация независимости Киберпространства», разработанная в 1996 году Дж. П. Барлоу, суть которой состояла в обеспечении права интернет-сообщества на глобальный обмен информацией, свободный от вмешательства государства. Уже в наше время один из создателей Интернета Тим Бернес-Ли активно выступает за разработку международного Билля о правах интернет-пользователей, в котором должны быть закреплены принципы открытости, доступности, защиты личной информации, свободы выражения личного мнения, децентрализации, недопустимости дискриминации и многие другие аспекты, далеко выходящие за пределы собственно прав пользователей всемирной паутины. Этот документ, по мнению его авторов станет ярким свидетельством цифрового конституционализма снизу. Вместе с тем, как считают некоторые юристы, он дополнит категорию «конституционные субъекты», в которую войдут все акторы, вносящие хоть какой-либо вклад в юридикацию цифровой сферы при помощи разного рода неформальных правил и норм. Имеются все основания предполагать, что такой подход, балансирующий на тонкой грани частной и общественной сфер, может стать в конечном счете доминирующим, что приведет к значительному снижению полномочий государства и к нестабильности в обществе.

Подводя итог сказанному, есть все основания утверждать, что понятия «цифровая демократия», «цифровизация политики» и производные от них, самым непосредственным образом характеризуют специфическую связь

технологических инноваций и политических процессов. Эволюция распространения IT-технологий в политической деятельности отражает открытое, часто экспериментальное взаимодействие политических ожиданий, интересов и целей с новыми техническими возможностями их достижения и реализации.

Однако исследование данных феноменов влечет за собой необходимость учитывать уроки, далеко выходящие за рамки ныне существующей технополитической констелляции. Дело в том, что изменения, которые мы наблюдаем в современной политической жизни, довольно часто носят амбивалентный характер, они нелинейны и далеко не в полной мере отражают существующие ожидания общества. Это говорит о том, что цифровизация политики не может быть сведена лишь к усилению (или ослаблению) отдельных ее элементов, или же пересмотру таких фундаментальных ценностей, как свобода, равенство, открытость, общедоступность и пр.

Следовательно, и все изменения, происходящие в данной области, требуют дальнейшей интерпретации в контексте учета как политических интересов всех участников политических процессов, так и возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями. В настоящее время цифровизация в политике развивается в таких условиях, когда политическая власть может контролировать ее лишь частично. Именно поэтому, новые технологии следует рассматривать не только как средство, но и как предмет политической ангажированности, влекущий за собой активную борьбу различных формальных и неформальных сообществ одновременно и за основополагающие политические принципы, и за цифровую инфраструктуру.

Литература

1. Быков И.А. Миф цифровой демократии. Рецензия на книгу: Hindman M. S. The myth of digital democracy. - Princeton, N. J.: Princeton univ.. Press, 2009. - 272 p - [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-tsifrovoy-demokratii-retsenziya-na-knigu-hindman-m-s-the-myth-of-digital-democracy-princeton-n-j-princeton-univ-press-2009-272-p> – Дата доступа: 12.02.2023.
2. Шааль Г.С. Электронная демократия. В О. В. Лембке, К. Ритци и Г. С. Шаал (ред.), «Современная теория демократии» (стр. 279–305). – [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: https://doi.org/10.1007/978-3-658-06363-4_12 – Дата доступа: 12.02.2023.
3. Новек Б.С. Вики-правительство: Как технологии могут сделать правительство лучше, демократию сильнее, а граждан сильнее. – [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/bet-novek/wiki-pravitelstvo-kak-tehnologii-mogut-sdelat-vlast-luchshe-demo/chitat-onlayn/page-2/> – Дата доступа: 15.02.2023.
4. Беннетт В.Л., Сегерберг А. (2012). Логика соединяющего действия: цифровые медиа и персонализация спорной политики. Коммуникация и общество, 15 (5), С. 739–768. – [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661> – Дата доступа: 13.01.2023.

5. Арендт Х. Состояние человека. Издательство Чикагского университета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.upwiki.one/wiki/The_Human_Condition – Дата доступа: 13.02.2023.

6. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф – ЛитРес: 2021 – 1080 с.

УДК 323.285

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИДЕИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

С. И. Иванова

Разрушение биполярной системы мирового порядка в постсоветском пространстве привело к наращиванию наступательной и захватнической политики стран Запада и США. Адекватным ответом современным вызовам стали инициативы по созданию не силового блока государств, основанного на общих экономических и цивилизационных связях в рамках Евразийского экономического союза с возможностью осуществления совместных проектов по борьбе с терроризмом. Евразийский союз – совершенно новый проект демократического интеграционного образования на евразийском пространстве [1]. В основе союза лежат идеи философии евразийства – философско-политического движения, развивавшегося в русской эмиграции в 20-30 гг. XX века. Идейными вдохновителями движения стали: Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и Г.В. Вернадский. Позднее концепцию евразийства развивали Л.Н. Гумилев в рамках теории этногенеза и известный геополитик А. Г. Дугин.

Евразийцы видели развитие России по пути русско-азиатской интеграции не на основе национальной принадлежности, а на условии преобладания общих цивилизационных историко-географических связей, формируя «замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое» [2; 282]. Причина этого скрыта в особенностях развития самой России. Согласно философии евразийства Россия исторически была не просто европейской или азиатской страной, а самостоятельной цивилизацией, где наряду с восточно-славянским и православным фактором имели большое значение тюркские и финно-угорские этнические и культурные традиции, а так же мусульманский религиозный элемент. Результатом стала своеобразная евразийская культура России, отличающаяся как от «собственно Европы, так и от собственно Азии» [2; 282].

Цивилизационное единство подкреплялось сходством социального уклада, экономическими особенностями, энергетическими интересами и военно-стратегическими вызовами. На основании этого Н.С. Трубецкой сделал главный вывод о том, что сама природа указывает народам Евразии на